

АННА СЕШТ

**БЕРЕГ ЖИВЫХ
НАСЛЕДНИКИ ИМПЕРАТОРА**

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
УДК 84(2Рос=Рус)6-445
С33

Сешт, Анна

С33 Берег живых. Наследники императора. Книга первая / А. Сешт.
— М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 268 с.

ISBN 978-5-521-92130-0

Империя Таур-Дуат — дар Великой Реки, благословлённый сиянием Солнечной Ладьи, драгоценный самоцвет в оправе песков пустыни Каэмит. Нет в мире равных мудрым жрецам и могучим воинам народа рэмеи, легендарным мастерам, некогда воздвигшим среди песков свои города и пирамиды Планарных Святилищ. Лишь потомки фэйри могут сравниться с рэмеи, но их вотчина — далёкие зачарованные чащобы севера, охотничьи уголья совсем иных Богов, вверенные заботам кланов высокорождённых.

Тридцать лет минуло после окончания жестокой войны между двумя великими державами континента. Столицу Империи потрясает весть о гибели наследного царевича Хэфера, и вновь на границах Таур-Дуат раздаётся тяжёлая поступь Отца Войны.

Император Секенэф должен выбрать нового наследника. Молодой воинственный царевич Ренэф, стремящийся отомстить за гибель брата, и не по годам мудрая царевна Анирет — кто из детей Владыки, оставшихся на Берегу Живых, способен принять из его слабеющих рук непосильное бремя власти?

УДК 82-312.9
УДК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92130-0

© А. Сешт, текст, 2021
© А. Герасимова, иллюстрации, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

*Воистину, Мы сотворили человека из сухой звонкой глины,
из ила, отлитого в форме. А до того Мы сотворили джиннов из па-
лящего огня.*

Коран, сура «Аль-Хиджр», аяты 26—27

*На северных островах земли были племена богини Дану и по-
стигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие
тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света.*

Ирландские сказания, «Битва при Маг Туиред»

Берег Живых

I. Наследники Императора

Книга первая

Книга вторая

II. Буря на Горизонте

Книга первая

Книга вторая

III. Выбор Богов

Книга первая

Книга вторая

Книга третья

IV. Сердце Империи

Книга первая

Книга вторая

Наследники Императора

Книга Первая

Пролог

2-й месяц Сезона Половодья

— Это — проклятие Богов... Проклятие Ваэссира... Безликие тени пожрут нас... Видишь, они уже кружат рядом...

— Заткнись, Метджен! — прошипел Павах, дернувшись в своих оковах. — Или хочешь, чтобы *он* вспомнил о нас и вернулся?

— Нет... прошу... нет... Но глаза ша²... жгут больно, как угли...

От безумного бормотания друга воину становилось не по себе. Рассудок покидал Метджена, и все чаще он видел в окружавшей тьме то, чего там не было. Иногда тени начинали мерещиться и самому Паваху, но воин знал: они были здесь одни, наедине со своими мыслями и страхами.

Метджена нельзя было винить — за несколько дней от него осталось лишь подобие того, кем он был еще недавно.

Несколько дней... Как сложно удерживать контроль над разумом и считать время! Раз за разом Павах воспроизводил в сознании недавние события — просто чтобы не сойти с ума. Нападение лебайских наемников. Приход огнегривых чудовищ из пустыни. Крики и хруст костей под колесницей. Пронзительное ржание перепуганных до полусмерти коней, мчавших во весь опор, унося двух телохранителей прочь, к безопасности. Несколько ша преследовали их, визгливо рыча и клацая челюстями у самых ног. Метджен был искусным колесничим, но несколько раз они едва не перевернулись, настолько обезумели кони. Друг кричал, что чудовищ нужно отпугнуть, но Павах не мог заставить себя ни пустить стрелу,

¹ Как и древние египтяне, жители Таур-Дуат начинают отсчет лет с начала правления каждого нового правителя. Год включает три сезона: сезон Половодья, сезон Выходов, сезон Жары. В каждом сезоне — по четыре месяца, в каждом месяце по три декады, итого 360 дней. Последние пять дней года и несколько часов не относятся ни к одному из сезонов и посвящены Богам.

² Зверь ша — чудовище из древнеегипетской мифологии с условно собачьей головой и раздвоенным хвостом. Иероглиф зверя ша был связан с понятиями «свирепый», «злой».

ни метнуть копье. То были не просто чудовища, а священные звери Сатеха. Владыка пустыни и без того гневался на них. Он не принял кровавую жертву и хотел получить больше.

Но почему-то воинам позволено было уйти. В какой-то миг ша прекратили преследование и замерли, провожая колесницу насмешливыми взглядами алых глаз-углей.

Оставшийся путь телохранители проделали в безопасности. Они не говорили о том, что произошло — просто двигались к назначенному месту. Здесь их встретили, и воины рассказали все как было. Лишь день был дан им на отдых...

Но не покой ждал друзей в дальнем поместье лорда Тремиана Ареля, а плен. Их взяли без боя — опоили чем-то во время дружеского застолья, а проснулись оба уже здесь, в вязкой темноте. Не помогали ни угрозы, ни просьбы — никто не отвечал. А потом появился *он* — тихий, учтивый и не ведавший милосердия. Мягко *он* попросил еще раз рассказать о том, что случилось в песках. *Его* магия отравляла разум и сердце, ввинчиваясь все глубже в разум, не оставляла в покое, вводила сознание в обманчивый сладкий экстаз, а после возвращала в парализующий липкий кошмар. *Его* руки искусно терзали живую плоть. Но цель *его* оставалась скрыта от пленников, и это пугало даже больше, чем *его* темное колдовство.

Под *его* руководством эльфы аккуратно спилили Метджену рога и отрубили хвост — участь унижительная для рэмеи, но, увы, распространенная во время войны. Потерять сознание от боли телохранителю не дали. Павах не мог сказать, что больше пугало его — смех друга в навешанной Колдуном эйфории или вой ужаса и муки Метджена после того, как морок рассеивался. Он не знал всего, что сделали с другом. Просто, когда тот возвращался, на нем оставалось все меньше плоти... Сейчас в цепях рядом с Павахом сидел изуродованный стонущий полутруп. И воин был благодарен непроглядной тьме, что не позволяла ему разглядеть увечья друга и в полной мере осознать собственную близкую участь. Сам Павах пока лишился лишь небольшой части правого рога, а хвоста — всего на треть.

— Шакалы Ануи не придут за нами... не укажут путь... — захныкал Метджен. — Останутся только тени... вечные тени и многоликая шепчущая темнота... — Его тихий голос вдруг

завучал осмысленно и твердо. — Убей меня, друг. От меня так мало осталось.

Павах слотнул. Он чувствовал пронзительный взгляд Метджена даже сквозь завесу темноты, до боли ясно помня мутные гноящиеся глаза и гладкую белую кость переносицы над обожженными губами.

— Прости, — прошептал он. — Я не могу освободиться, ты же знаешь...

— Знаю... — Метджен засмеялся тихо и жутко, а потом забился в цепях и пронзительно завыл. — Заберите меня! Заберите!

— Заткнись! — рявкнул Павах не столько от злости, сколько от страха, что Колдун вернется раньше положенного. — Тише ты, умоляю!

— Будь ты проклят... — вздохнул Метджен. — А впрочем... мы уже прокляты... прокляты Богами... — он тонко захихикал.

Павах был бы и рад отодвинуться от друга, но оковы не позволяли.

Наверху скрипнула дверь. Оба воина замерли, боясь вздохнуть. Раздался знакомый звук шагов — кровь от него стыла сильнее, чем от воя пустынных чудовищ. Отблески светильника разогнали мрак, и из темноты проступила фигура.

Колдун остановился напротив пленников. Его лицо было довольно красивым, располагающим, с приятными аристократичными чертами. Светло-серые глаза смотрели мягко и внимательно. Черные волосы были коротко подстрижены, на одном из рогов посверкивало золотое узорное украшение, сочетавшееся с изысканным браслетом на его хвосте. Облачался он неизменно в длинное черно-красное одеяние, стянутое золоченым поясом.

Приветливая полуулыбка осветила лицо Колдуна. Он кивнул Паваху и повернулся к Метджену, приподнимая светильник, чтобы лучше рассмотреть. Потом маг опустил на одно колено рядом с пленником.

— Нет... не надо... пожалуйста... — воин отпрянул, и голос его звучал жалко и надломленно.

Павах не испытывал презрения — только ужас: Метджен всегда был сильнее его, храбрее, яростнее. Сам Павах был, скорее, осторожным тактиком. Нет, он совсем не хотел знать, почему его друга удалось сломать так быстро.

— Не бойся, — мягко проговорил Колдун. — *Я делаю из тебя героя.*

Эта фраза гулко отдалась в висках Паваха. В последние дни он слышал ее слишком часто.

— Нет...

— Посмотри, Метджен из вельможного рода Эрхенны, у меня для тебя подарок.

Павах не выдержал и тоже посмотрел, стараясь при этом не видеть изуродованного лица и тела друга. Колдун держал перед собой тонкий нож эльфийской работы — из тех, что благородные леди Данваэннона иногда маскировали в прическах, а благородные лорды с легкостью прятали в одеждах. Серебристое лезвие маняще поблескивало, отражая золото огня в светильнике.

Метджен счастливо улыбнулся, и от этой улыбки сердце Паваха глухо стукнуло о ребра.

— Смерть... — выдохнул измученный воин.

— Да, — кивнул Колдун, и его голос полился завораживающе, почти гипнотизируя. — В дебрях зачарованных лесов Данваэннона, по которым когда-то бродили сами фэйри, растет удивительный цветок. Он носит поэтичное имя *Аэнну'Глайи*, «Звездные искры». Лепестки его белоснежны и словно наполнены мерцанием. В ночи распускается он, отгоняя тьму и улаждая взоры. Эльфийский народ издавна восхищается его совершенством. Нектар *Аэнну'Глайи* сладок... и смертелен. Но смерть от этого редкого яда легка, как белоснежные лепестки, и скоро — не дольше нескольких глубоких вдохов. Такую смерть наследники фэйри считают драгоценным подарком.

Взгляд Метджена, обращенный к кинжалу, светился тоскливым вожделением. Он надеялся и вместе с тем не мог поверить, что все это не было лишь очередной мучительной игрой.

— Твое время пришло. Твое имя запомнят, — мягко заверил его Колдун. — Ты — герой, Метджен из рода Эрхенны.

С этими словами неуловимым движением он вонзил кинжал в тело пленника. Метджен не вскрикнул — только дернулся и коротко вздохнул. Кажется, он был счастлив, несмотря на свой страх перед грядущим судом Стража Порога.

Колдун закрыл ему глаза и некоторое время созерцал ис-